Сэл проснулся, и боль, словно раскаленная молния, пронзила его тело, заставив снова погрузиться в бездну бессознания. Когда он открыл глаза во второй раз, боль уже стала неотъемлемой частью его существа, но он успел осознать, что жив, прежде чем снова пропасть в темноте. Следующее пробуждение принесло с собой странное знание: он был путешественником во времени, и его отец, тот, кто всегда верил в его предназначение, был прав – Сэл не мог умереть, пока не вернется в свое время. Он лежал на поле битвы, словно брошенный судьбой. Часы тянулись бесконечно, боль не ослабевала, а темнота, словно голодный зверь, снова и снова поглощала его сознание. В один из таких моментов, когда он уже готов был сдаться, его душа, измученная страданиями, взмолилась о покое. Он молил о смерти, о прекращении мучений, которые терзали его тело.Прошла неделя, и Сэл, глядя в зеркало Эриседа, увидел себя, искаженного, словно сломанную куклу, а его истощенная магия тщетно пыталась исцелить его. Он не знал, сколько раз его душа балансировала на грани смерти, чтобы вновь вернуться к его измученному телу.Наконец, боль начала отступать, и Сэл смог шевельнуться. Поле битвы опустело, римляне оставили мертвых лежать на земле, уходя вдаль, словно не замечая их. Первым, что он сделал, было посмотреть на свою руку. Перед ним возник римский воин, протягивая серебряную монету. Спустя мгновение, Сэл понял – это плата за переход через смерть, знак уважения к павшему воину. Он спрятал монету, затем начал искать свои вещи – посох, оружие, зелья. Никто не ограбил его. Все было на месте, и Сэл понял – это тоже было проявлением уважения, которое римлянин оказал ему. Он был благодарен за этот жест, за то, что воин сдержал своих товарищей от грабежа. Его оружие, созданное гоблинами, было с ним – оно всегда возвращалось к нему по желанию. Прошли дни, прежде чем Сэл смог встать на ноги. Он начал хоронить павших. Первым, кого он узнал, был Гавейн, его учитель, пронзенный дюжиной стрел, с отрезанной ногой и стеклянными глазами, устремленными в небо. Рядом с ним лежал римский воин, убивший его, словно в объятиях ночного любовника. Следующим был Ланселот, его друг, с лезвием меча, убившего его, все еще торчащим в груди. Сэл боролся со слезами, воспоминания о Ланселоте, о его смехе, шутках, дружелюбии, проносились перед его глазами. Он поборол чувства с помощью Окклюменции и похоронил друга рядом с Гавейном, на берегу озера, нет, на берегу озера Камелота.Сэл не знал, сколько времени прошло, пока он не нашел Артура и Медрауда, его отца и брата. Магия не давала мертвым гнить, они выглядели так же, как при жизни. На этот раз Сэл не смог сдержать слез, лаская локоны отца и брата, ярость бушевала в его душе. Он взял меч, который отдал отцу, и снова привязал его к поясу, не в силах смотреть на рану, которая убила Медрауда, рану, нанесенную его же мечом. Рана Артура, полученная из-за того, что Сэл обучил его брата сражаться, вызывала не меньшую боль. Он был разгневан на них обоих за то, что они использовали его дары, чтобы убить друг друга, за то, что они выбрали путь войны, а не мирное решение. Он похоронил их рядом, рядом с Ланселотом и Гавейном. Снова слезы, гнев на судьбу, на римлян, на отца и брата… Наконец, он поднялся и, спотыкаясь, продолжил свою работу. Он хоронил, хоронил, хоронил, сотни людей в сотнях могил. И вот, он нашел последнего, того, кого он знал, кого потерял, когда вновь обрел сознание, и в то же время надеялся найти живым. Он лежал, словно спал, глаза закрыты, посох в руках. На его теле не было ран, но магия не нуждалась в них, чтобы убить. Сэл стоял и смотрел на него, затем опустился на колени, дрожащими руками прикоснулся к нему. Белые волосы были такими же мягкими, как при жизни. — Атр, — прошептал Сэл. — Атр…Одиночество, словно ледяная рука, сжало его сердце. Он потерял слишком многих, а боль от потери Мирддина была невыносимой. Мягкая рука обхватила его талию, прижав к теплому, почти горячему телу. — Плачь, птенец, — прозвучал теплый голос. — Ты имеешь на это право. Ты потерял слишком многих, чтобы воспринимать это спокойно. — Я… я должен похоронить…— Я похороню его. Ты похоронил слишком многих, птенец. Сэл попытался освободиться, но незнакомец крепко держал его. — Он мой отец. Я должен похоронить его, — ответил он.— И он был моим яйцом. Я тоже имею на это право, мой птенец, — мягко сказал незнакомец. — Я позволю тебе помочь мне, но хоронить его буду я. Я его отец. Я должен это сделать.Сэл поднял голову и уставился на незнакомца.

Лицо было очень похоже на лицо Мирддина, но глаза были золотыми, горящими красным пламенем. — Что… что ты такое?!Незнакомец улыбнулся. — Я – феникс, — тихо ответил он. — Эта форма временная, — сказал он. — Я потеряю ее через несколько часов. Больше всего времени занимает принятие человеческого тела, и единственный раз, когда это было не так, был много лет назад. Это было время, когда я растил твоего отца.— Не пугай яйцо, Фаваркс, — прозвучал голос женщины. Сэл повернулся и увидел женщину, стоявшую позади мужчины. Ее волосы были седыми, а глаза желтыми, как у василиска, которого Сэл убил на втором курсе. Ее глаза были такой же формы и цвета, как у Мирддина. — Значит, ты тоже почувствовала его смерть, Алеахкис? — тихо произнес феникс, голос его был полон печали.— Конечно, чувствовала, — ответила женщина, ее голос дрогнул, но она сдержала слезы. — Ведь я его мать. Склонившись, Алеахкис легко коснулась Сал рукой. Он не понимал, что происходит, но в момент касания почувствовал, как его тело уменьшается, сжимается, становясь маленьким, как у ребенка. Женщина нежно взяла его на руки. — Ты возьмешь наше яйцо? — спросила она Фаваркса, голос её был спокоен, но в нем звучала боль потери.Феникс кивнул. На этот раз похороны были иными. Сал просто похоронил смерть, а родители Мирддина решили сжечь своего сына. Пламя объяло тело юного феникса, очищая его душу от земных оков, вознося ее к небесам.

http://tl.rulate.ru/book/93005/3082599